

«Путешествовать — значит осознать, что
все ошибаются насчет других стран»

Олдос Хаксли

Ген путешествий

Ох, уж эта мода на лайфхак! Из каждого приемника нас учат что-нибудь делать «правильно». А то как же: в любом современном деле главное — польза! Надеемся, пользу вы найдете и в этой книге, где рассказывается о том, как делать авторские путешествия. Но что это вообще такое — авторские? Неразбериха в терминах тут такая же, как в кинопроизводстве или, скажем, в пищевой отрасли. Авторское кино давно показывают на больших экранах, и оно порой делает кассу, иногда превосходящую сборы фильмов для массового зрителя. А какое-нибудь авторское варенье, простите уж за прозу жизни, продается теперь и в ином сетевом магазине.

Государственные органы, регулирующие сферу путешествий, как и профессиональные ассоциации, не делят рынок на авторский и массовый. Это показал и Covid-кризис, когда всю отрасль по приоритетам субсидирования разделили на две группы: внутренний туризм и выездной. Все. Что в этом плохого — спросите вы? А давно вам в сетевом магазине попадалось ревеневое с яблоками варенье, точь-в-точь, как делала бабушка? Наверняка там на полках много всего вкусного, но именно такое, ностальгическое? Оно, как правило, варится в крошечном цеху одним трудягой-энтузиастом. И вот если не делить рынок варенья на авторский и массовый, то ревеневое с яблоками исчезнет, и почти никто об этом не узнает. Его же не кладут в стратегически важные для государства горячие пирожки из «Макдоналдса».

Но уйдем от политики, бог с ней. Чтобы понять, чем авторские путешествия отличаются от туристического пакета, составленного по конвейерному принципу

и замороженному до открытия пляжного или горнолыжного сезона, нужно вспомнить, что на самом деле лежит в основе слова «авторский». Давайте на примере кино или телевизионных программ (раз уж меня угораздило много лет проработать в журналистике). Авторское кино и программы иногда проигрывают по объемам бюджета и размерам аудитории, но это — следствие сразу нескольких факторов, а не жанрообразующая характеристика. Авторское — значит, идейно и по структуре построенное на таланте одного человека. Авторское — значит «создать спрос», а не «удовлетворить его». Значит заботиться о том, с чем зритель закончит просмотр, а не быть для него шумом, заглушающим одиночество. «Телевизор станет бытовым прибором», — недавно процитировала «душа» Клуба журналист Катерина Гордеева завещание бывшего гендиректора НТВ Владимира Кулишкова. Так и вышло.

Программа Андрея Малахова, составленная продюсерами из историй, пригодных для переваривания массовой аудиторией, нужна людям не для умственной пищи, а чтобы не слышно было, как за ужином в семье давно никто не разговаривает. Я утрирую, конечно, но это недалеко от истины. На нашем телевидении по разным причинам вообще сейчас возобладали «принцип Маكدоналдса»: дескать, сколько ни уговаривай потребителя, что котлета с хлебом и картофель фри — вредно, холестеринно и так далее, он все равно будет это есть, потому что подают быстро, стоит дешево и, в общем-то, все это вполне съедобно. И многим даже нравится. Но постойте, возражаете вы, а как же быть с теми, кто еще помнит недолгий, но славный век авторских программ, — «Брейн-ринг», «Взгляд», «Намедни» и многие другие, — вышедших еще совсем недавно, в начале «нулевых» годов? У них же был благодарный, восторженный зритель! Был. И будет всегда. И тем его будет больше, чем скорее вырастет у нашего человека покупательная способность, качество образования и, как следствие, уровень духовных, эстетических потребностей. Но даже и тогда этот требовательный зритель останется, скорее всего, в рамках статистической

погрешности, которая мало повлияет на общие цифры многомиллионной телеиндустрии. Она ориентирована на вкусы домохозяек. Как и сегодня почти не сказывается вклад ресторанов с мишленовскими звездами на общей статистике индустрии общепита. Примерно то же самое и с туризмом.

Большинству наших сограждан, которые пашут с утра до ночи, чтобы прокормить семью, на время отпуска нужно только одно — опустить за минимальные средства свое промерзшее тело на теплый песок. Помочь ему в этом — и есть задача массового туризма, который удовлетворят спрос большинства. А вот привести его в таверну к условному Джузеппе, чтобы обсудить, чем островной житель отличается от материкового и как смог островитянин сохранить такой внушительный запас общечеловеческих ценностей, — задача авторских путешествий. Они не следуют спросу, они его создают.

Мы, поклонники «маленького туризма», подобно режиссерам авторских фильмов, включаем в человеке сенсоры восприятия мира, которые в быту простаивают за ненадобностью, но тем не менее делают жизнь чуть более яркой. И это никакого отношения не имеет к безупречному сервису премиум-сегмента, к которому относят Клуб за высокую стоимость путешествий. От того, что вам принесут зонт и коктейль, пока вы греетесь на песке, вам станет комфортнее, это понятно, и мы в Клубе тоже об этом всегда помним. Но от этих «зонтов» и «коктейлей» внутри человека ничего не заработает, понимаете? У авторского путешествия есть идея и цель, конфликт и драматургия, сценарий и режиссер, пространство для случайностей. Так что если и принимать термин «индустрия впечатлений» применительно к туризму, то как раз к самому малому его компоненту — авторскому.

А вы слышали о «гене путешествий», который будто бы есть примерно у двадцати процентов из нас? Ученые, расшифровывая геном человека, обнаружили

его и даже присвоили порядковый номер — DRD4-7r. Некоторые из них уверяют: нам, носителям этого гена, в большей степени, чем всем другим, присущи непоседливость, склонность к авантюрам, риску и поиску неизвестного. И что это будто бы наши с вами предки тысячи лет назад подбивали соплеменников перемахнуть через горы, потому что там, за горами, больше дичи, сочнее пастбища, вкуснее вода. Будто бы именно этот ген и порожденная им тяга к неведомому помогли человечеству решиться на главное приключение в его истории — покинуть пределы Африки.

Это книга о том, как мы создаем невероятные путешествия. Она выходит, когда весь мир только-только начинает приходить в себя после глухого лондауна (еще одно новое слово для всех нас!), вызванного эпидемией covid-19. В трудные для всех времена, сопоставимые с самыми жестокими финансовыми кризисами в истории. Во времена невиданного падения всей отрасли туризма.

Книга о путешествиях, но не только. Еще — о телевидении, о музыке и литературе, о нас с вами, о веселом и грустном, обо всем понемногу, как это бывает и должно быть в нашей жизни, где все всегда перемешано. Так что, сидите ли вы сейчас на карантине или снова жадно путешествуете по миру после того, как в 2020-м все мы вспомнили слово «пандемия», — перед вами семилетняя история «Клуба путешествий Михаила Ножухова».

Для новеньких, у кого и телевизора-то дома нет, Ножухов — это я. Много лет я снимал телевизионные проекты о путешествиях, и их смотрели миллионы людей.

«Тот усатый, который ездит по миру и ест тараканов»

«А вы по правде все это ели?!» — из всех вопросов, которые можно задать «дяденьке из телевизора», люди чаще всего задают именно этот. Почему?! Вот же: камера показывает крупным планом, как я нежно беру короеда за головку и отправляю его в рот. Если это, к примеру, музничик или еще какой-нибудь представитель летающих или ползающих, то радиомикрофон, закрепленный на моей рубашке, записывает даже хруст его хитиновых пластинок на моих зубах. Как тут можно схитрить — заранее сделать съедобную копию и ловким жестом фокусника поменять их местами? Документальные проекты, которые снимаются для отечественного «ящика», такую роскошь пока позволить себе не могут.

— Жонглировать перед сотнями зрителей? Да вы с ума сошли! Я не умею. Я буду выглядеть полным идиотом, — сопротивлялся я изо всех сил, когда съемочная группа вытаскивала меня на арену цирка из-за кулис на съемках в Китае самого первого выпуска программы «В поисках приключений». Меня все-таки вытолкнули. И первая же негля или как там называется эта штуковина, какую используют в цирке жонглеры, выпала, разумеется, из рук. И я, конечно же, почувствовал себя

Михаил Ножухов на съемках программы «Далено и еще дальше»
в племени дани, остров Новая Гвинея, провинция Папуа,
Индонезия, 2010, из личного архива Михаила Кожухова

полным идиотом, хотя китайская публика, увидев оператора с камерой возле меня, сообразила, что идут съемки, и ободряюще хлопала.

Потом, попривыкнув, я напрочь перестал стесняться в таких ситуациях, обнаружив простую истину: самоирония и отсутствие боязни показаться смешным еще не повредили ни одному телевизионному ведущему. Наоборот: его неловкость располагает зрителя к доверительности, сокращает расстояние между ним, самым обычным человеком в домашних тапочках, и «дяденькой из телевизора»: «Ой, а он, оказывается, совсем как мы!»

А иногда режиссеры на монтаже откровенно издевались надо мной. Однажды в Аргентине я встал на wakeboard, когда у нас еще и слова-то такого не знали. Это что-то наподобие сноуборда, только тащит его за собой по воде натер. Причем я встал на него с воды и поехал — со второй попытки. Может, не так грациозно, как хотелось бы, может, и напоминал неуклюжего Винни-Пуха. Но ведь поехал! И что же вижу в монтаже? Раз пять я беспомощно плюхаюсь в мутную воду реки Ла-Плата и никак не могу подняться: они повторили несколько раз один и тот же кадр моего единственного падения. «Вы что же, негодяи, — спрашиваю, — делаете? Вы разве не видели, как я лихо ехал?» «Ничего, — отвечает режиссер, — ты уже столько подвигов в программе совершил, а зрителю будет забавно...»

Для моего участия в публичных представлениях мы потом изобрели хитрость — извинительную, как мне кажется, в таких случаях. В китайской опере, на танцевальных спектаклях на Бали или в Индии и почти во всех прочих театральных действиях мы поступали так:

сначала снимали самые яркие моменты представления — актеров, аплодирующую публику. Мне тем временем накладывали грим, подбирали костюм, объясняли, что нужно делать на сцене. Когда публика расходилась, мы просили актеров ненадолго задержаться и снимали еще раз какой-нибудь яркий эпизод спектакля — уже с моим участием. Потом на монтаже «перемешивали» оба фрагмента, и у зрителя создавалось полное ощущение, что я отработал чуть ли не все представление на сцене под восторженные аплодисменты зала. Бывало, я участвовал в спектакле и всерьез, когда повторить действие специально для съемок не представлялось возможным. В Южной Норее, на Кубе, на Мальте мне разрешали участвовать в театрализованной церемонии — в смене почетного нараула какой-нибудь исторической и особо важной крепости, и тогда уж приходилось ориентироваться на местности и повторять вслед за «мушкетерами» и прочими «гвардейцами» все, что делали они.

Все остальное было по-честному! Обливаясь потом, я нес тяжеленную шпалу на вершину священной горы в Китае. Собственноручно измерял температуру у слоненка в Замбии там, где ее обычно измеряют у животных. Управлял подводной лодкой в Израиле. Стирал в свой собственный день рождения простыни из госпиталя для прокаженных в общественной

Михаил Ножухов на съемках программы «Далено и еще дальше»,
Эфиопия, 2010, из личного архива Михаила Кожухова

прачечной в Бомбее и пускался на все остальные сомнительные авантюры, на которые не решился бы ни за какие новрижки, не окажись рядом телевизионной намеры. Иногда я сознательно шел на что-нибудь «этакое», экстремальное, преодолевая отвращение или страх, чтобы, как в спорте, «подтвердить разряд». Мне казалось, что зритель по ту сторону экрана только и ждет: что еще выкинет сегодня этот «усатый, который ездит по миру и ест тараканов»?

Тут самое время сказать спасибо эпохе семидесятых, на которую пришлось мое детство: в те времена не заниматься спортом среди мальчишек считалось чем-то неприличным. Для всех, считая отпетых отличников — «ботаников», хотя термина такого в ту пору не было. Занимались в спортивных секциях все, и я в том числе: самбо, боксом, плаванием обычным и подводным, горными лыжами, академической греблей, водным слаломом и конным спортом. Если бы не все это, никогда бы не вышел из меня «универсальный солдат», готовый почти на все, что и делало наше трэвел-шоу таким разнообразным. А меня, что уж там, наполняло некоторой тщеславной гордостью: кто-то из коллег-ведущих может скатиться со склона на лыжах, другой — нырнуть с аквалангом. Третий знает, как держать в руках, к примеру, весло. А ну-ка, кто еще, кроме меня, сделает все это по очереди, да еще проскачет галопом вместе с гаучо и выстоит раунд против бойца муай-тай, тайского бокса старой школы, и получит по завершении удивленно-восторженный вопрос от соперника: «Сэр, простите, а сколько вам лет?»

Иногда новый телевизионный «подвиг» приходилось совершать осознанно, так сказать, по производственной необходимости. Как-то мы снимали в Таиланде, в Институте Пастера, «дойку» яда у змей, и уже на площадке стало ясно: сюжет получается скучным! Чтобы спасти ситуацию, я и предложил выбрать какую-нибудь не слишком ядовитую тварь и дать ей возможность меня укусить.

Михаил Ножухов на съемках программы «В поисках приключений», Киото, Япония, 2002–2006, из личного архива Михаила Кожухова

Чтобы потом меня же и спасти с помощью сыворотки-антидота. А когда увидел этот эпизод на экране, самому стало не по себе: извивающаяся зеленая «молния» бьет меня по руке, и в рапиде, — так называется замедленная съемка, — видно, как змея повисает на моей ноге, зацепившись острыми зубами. Жуть.

Нет, все было по-честному — ну, может, за исключением двух случаев.

Первый произошел в Северной Африке — то ли в Тунисе, то ли в Марокко, уже не помню, где меня с трудом взгромоздили на скакового верблюда. От нормального «корабля пустыни» скаковые верблюды отличаются не только отменной резвостью, но еще и высоким ростом, и настораживающей костлявостью. Я же давно вышел из весовых параметров, допустимых для жоня. Кроме того, мы с моим скакуном не понравились друг другу с первого взгляда. Оказавшись на его костлявой спине, я сразу понял: если эта скотина пустится во весь опор, я точно упаду. И, может быть, даже разобьюсь. Насмерть. О том, чтобы принять участие в скачках, не могло быть и речи. Увидев мою беспомощность, два бедуина подъехали ко мне на своих верблюдах с боков, и мы с ними проскакали рысью несколько десятков метров. Зритель об этом не узнал: в смонтированном сюжете все выглядело так, как будто я и вправду принимал участие в скачках.

Еще одна моя телевизионная ложь тоже связана с Африкой. Шел двадцать первый день невероятно утомительной экспедиции по Замбии и Зимбабве. Позади оставались тысячи километров тряских проселочных дорог, жара и пыль, проклятая курица-гриль — нередки единственная еда, которую можно было проглотить без страха за последствия для здоровья в какой-нибудь деревенской забегаловке, ночевки в гостиницах сомнительного санитарного свойства и прочие прелести долгого путешествия по «Черному континенту». Накануне вылета домой мы снимали последний предусмотренный планом сюжет на каком-то озере